

ВОДНОЕ

**Александр
ВОЛКОВ**

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В67

Волков, Александр Мелентьевич.

В67 Зодчие / Александр Волков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 384 с. : ил.

ISBN 978-5-04-089463-5

Середина XVI века. Царствование Ивана Грозного. Становление многонационального и многоликого, объединяемого единой волей Русского государства. Война и строительство! Опасности повсюду подстерегают простой люд, в лице иноземцев, что нарушают границу, и бояр, которым нужны холопы. Способности к рисованию делают сына крестьянина свободным мастером-каменщиком, дорога-бегство ведет в волшебную Москву. На Красной площади там будет возводиться венчающий победу над врагом собор Василия Блаженного — апофеоз русского зодчества!

Полный приключений, увлекательный исторический роман от классика детской литературы, знаменитого автора «Волшебника Изумрудного города» А. М. Волкова, чьими произведениями зачитывается уже не одно подрастающее поколение.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089463-5

© Волков А. М. (наследники), 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть первая

ЮНОСТЬ ГОЛОВАНА

Глава 1

На охоте

— Стреляй, Андрюша!..
Голос замер, и только свистящее дыхание показывало, как трудно человеку в смертельном единоборстве со зверем.

Охотник и медведь, могучие, громоздкие, приникли друг к другу точно в дружеском объятии. Спина человека гнулась под косматыми лапами, но он удерживался невероятным напряжением мышц.

— Стре...ляй...

Мальчик лет двенадцати с луком в руке стоял неподалеку; в лице его не было ни кровинки, но серо-зеленые, широко расставленные глаза смотрели решительно. Андрюша выжидал, когда медведь окажется под прицелом.

Удобный миг настал, и мальчик решил. Стрела впи­лась в голову медведя, возле левого уха. Острая боль за­ставила зверя оторвать от спины охотника правую лапу и ощупать раненое место. Лапа опустилась с силой, сломала стрелу и загнала в рану. Зверь взревел.

Александр Мелентьевич Волков

— Испугать хочешь?

Охотник вывернулся, выхватил из-за опояски нож.

— Тятенька, тятя!

— Беги за елку! — прохрипел охотник.

Но Андрюша не подумал бежать. Вторая стрела ударила в маленький, налитой кровью глаз зверя.

Полуослепленный медведь взревел еще яростней и бросился на человека. Тот, отскочив, ответил могучим ударом ножа в левый бок зверя. Смертельно раненный медведь, падая, хватил лапой по голове охотника. Удар смягчила шапка, и все же человек рухнул вниз лицом.

Только теперь Андрюша испугался по-настоящему. Он бросился к неподвижному телу отца, попытался перевернуть его. Но плотника Илью односельчане недаром прозвали Большим: Андрюша не мог сдвинуть его с места.

Долго возился мальчик около отца. Наконец Илья опомнился.

— Живой! Живой! — обрадовался Андрюша.

Илья попытался двинуться и не мог: слабость сковывала члены, голова кружилась.

— На деревню... в Выбутино беги, сынок... Мужиков зови...

Андрюша огляделся.

Вечерело. В лесу, запорошенном снегом, было тихо. Ближайшие ели ясно виднелись от нижних, широких лап до острых темных верхушек. Но дальше все сливалось в серебристо-мутном тумане. Андрюша вздохнул. Полянка, на которой лежал медвежий труп да слабо шевелился раненый охотник, показалась мальчику такой родной и уютной...

Однако не может же отец пролежать на снегу долгую зимнюю ночь!

— Я пойду, тятя, пойду! А ты-то как?

— Не бойся... Я отлежусь...

Встав на лыжи и оглядевшись в последний раз, Андрюша заспешил к дому. Вот следы. Они указывают обратный путь. Мальчик внимательно приглядывался к чуть видной лыжне. До Выбутина добрых полтора десятка верст наберется, и не скоро вернется он с помощью...

Андрюша бежал, сжимая лук в руке. В лесу быстро темнело. На беду, начал порошить снежок.

— Занесет следы, заблудишься... — со страхом шептал Андрюша.

И вот следы окончательно исчезли. Андрюша напрягал зрение: со всех сторон мерещились тропки. Где же настоящая?

Мальчик упал на снег и заплакал. В лесу раздался волчий вой.

Не разбирая дороги, Андрюша понесся по лесу. Через несколько минут он прислушался.

Вой донесся с другой стороны.

Или он сбился с направления, или волки окружали его. Надо было искать убежище.

Андрюша заметался среди деревьев, а волчий голоса слышались ближе, ближе... Он попытался вскарабкаться на елку, но гибкие лапы опустились, осыпав его снегом. Было от чего прийти в отчаяние. Андрюша выбежал на поляну. Посреди стояла сосна с низко начинающимися ветвями.

Спасение!

Быстро вскарабкался Андрюша на дерево — и вовремя! На полянку выскочили волки и взвыли — не то с досады, не то с радости. Потом обступили сосну и уселись, как собаки, ждущие подачки.

Андрюша прижался к стволу. Время тянулось нескончаемо. Вдруг мальчик вздрогнул, покачнулся, а волки привскочили точно по команде. Оказывается, Андрюша задремал и чуть не свалился с ветки. Он распустил опояску, привязал себя к дереву.

Но спугнутый сон уже не приходил. Андрюше представилось, что отец погиб, и он заплакал... Вот и дрожь начала пробирать его. Оцепенение сковывало тело, мысли путались...

Андрюшу снял утром старый Ляпун, осматривавший силки. Мальчик был без сознания. Соорудив салазки, старик повез его в Выбутино, гадая, куда девался Илья Большой.

Афимья заголосила, когда в сенцы внесли бесчувственного сына. Она поняла, что с мужем случилось несчастье. Андрюшу раздели, оттерли снегом. Мальчик бормотал:

— Тятя... медведь...

Больше ничего от него не добились.

Долго колесили охотники по лесу. Лишь к вечеру добрались до поляны, где дрался Илья с медведем. На снегу валялись обглоданные кости, виднелись пятна крови.

Александр Мелентьевич Волков

Мужики завздохали, понурили голову.

— Покончился наш Илья...

Вдруг старик Ляпун воскликнул:

— Стой, мужики! Из берлоги пар идет!

В самом деле, из лаза поднимался легкий пар, заметный только охотничьему глазу. Кто в берлоге? Медведь или...

Еще не веря в счастливый исход дела, мужики двинулись к лазу, держа наготове рогатины и ножи.

— Кто добрый человек? — слышался изнутри слабый голос.

Из медвежьей берлоги на четвереньках выполз Илья Большой.

Глава 2

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Силач и привычный охотник, Илья Большой быстро поправился после рукопашной с медведем. Но Андрюша заболел тяжело. Он лежал недвижно, сознание покидало его.

— Ужели помрет? — с тоской шептала Афимья.

Все знахари из окрестностей Пскова побывали около больного: нашептывали заклинания, поили наговорной водой... Мальчика уже приговорили к смерти, но он неожиданно начал поправляться.

Кончалась зима, когда Андрюша по-настоящему пришел в себя, поднял отяжелевшую голову, осмотрелся большими удивленными глазами. Все было привычное, родное, и, однако, казалось мальчику, что все это видит он в первый раз: он как будто сразу повзрослел.

Андрюша увидел себя на полатах, на куче мягкой рухляди. Над ним навис потолок, блестящий от многолетней копоти, точно покрытый черным лаком. До болезни мальчик любил выцарапывать на потолке узоры острой лучинкой. Теперь узоры чуть виднелись под наросшей пленкой свежей копоти, и Андрюша понял, как долго он хворал.

— Мамка... — Андрюшин голос прозвучал тихо, прерывисто.

— Родненький! Кровинушка моя! Опамятовался!.. — Аfirmья быстро влезла на полати и со счастливыми слезами приникла к сыну. — А мы уж не чаяли тебя живым видеть... Вот-то отец обрадуется!

— Мамка, а ноне какой день?

— Суббота, сынок, суббота ноне. Ох, много мы суббот прогоревали!

— Тятка с работы не вернулся?

— Нету, да, гляди, вот-вот придет. Уж и обрадуется!..

Илья пришел поздно, когда в светце горела лучина, и сразу наполнил избу шумом, движением, раскатами сильного голоса. Узнав, что сын очнулся и разговаривает, Илья выразил радость по-своему: схватил Андрюшу с полатей, закружил на руках над головой, весело загрохотал:

— Ожил, сокол! Ничего, наша порода крепкая! Как, Андрюшка, скоро на охоту пойдём?

— По мне — хоть завтрашний день, тятя! — бодрясь, ответил мальчик.

Мать вздохнула:

— Угомону на тебя нет, Илья! Ребенок, сказать, из гроба встал, а ты опять...

Плотник, бережно подсаживая Андрюшу на полати, успокоительно промолвил:

— Да ведь мы, мать, по-шутейному. Куда парню в лес, он и на ногах стоять не может!

Андрюша насторожился: в холодных сенцах завозились, кто-то ощупью отыскивал дверь.

«Сбираются...» — подумал мальчик. Он любил субботние вечера, когда соседи сходились к отцу потолковать о делах.

Кто-то поколотил ногой в примерзшую дверь, отодрал рывком. В облаке пара показался Ляпун, старик с изможденным лицом, спаситель Андрюши. Неторопливо поприветствовав хозяев, он сел. Явился молодожен Тишка Верховой, смущенно покрестился на образ, примостился на конце лавки.

Разговор не завязывался. Мужики вздыхали, почесывались, зевали. Начал хозяин:

— Отец Авраам грозился завтрашний день на село приехать — оброк добирать!

Александр Мелентьевич Волков

— Оброк? — испугался Ляпун. — Мы же сполна внесли, всё по уставной грамоте!¹ — Старик, разговаривая, размахивал правой рукой; слушая, прикладывал руку трубочкой к уху. Ему повредил слух монастырский приказчик, ударив палкой по голове за дерзкое слово.

— Говорят, в деньгах нужда, — пояснил Илья. — Приедут с тиуном...²

— Тьфу! — злобно отплюнулся Ляпун. — Бездонную кадку не нальешь!

— А не платить? — спросил Тишка, пощипывая молоденькую рыжую бородку; он к ней не привык и всегда удивлялся, нащупав на подбородке кудрявые волосы.

— Хочешь, чтобы разорили, не плати! — сказал Илья.

— Можно, чай, к наместнику. Не по окладу, мол, требуют!

— «К наместнику»... Молчи, когда бог убил! — рассердился Ляпун. — Кто наместнику поминков³ больше даст — ты али игумен?⁴ То-то и оно!

Разговор прервался. Мужики вспоминали прошлое, те события, которые поставили их, бывших псковских горожан, под власть монахов Спасо-Мирожского монастыря.

От взрослых Андрюша Ильин не раз слышал историю о том, как потерял свою вольность Псков.

Началось это лет тридцать назад. По старинному договору с великими князьями в Пскове сидел московский наместник, но власть его была не велика. Городом правили выборные посадники, а важные дела решало вече, сходящееся по звону большого колокола.

С шумом и криком, иногда с кровопролитным боем решались вопросы, предлагаемые вечу. Но за народными толпами, сходящимися стенка на стенку, незримо стояли посадники, бояре, богатые купцы.

Дела вершились не по справедливости, а в пользу наиболее сильного, кто подкупами и посулами сумел сколотить себе самую большую партию.

¹ Уставная грамота определяла повинности монастырских крестьян.

² Тиун — приказчик, управляющий.

³ Поминки — взятки.

⁴ Игумен, или настоятель, — глава монастыря.

Раздоры и несогласия знатных ослабляли город и могли оставить его беззащитным перед врагом.

Великий князь Московский Василий III, дальновидный собиратель земли русской и умелый строитель государства, с тревогой смотрел на псковские порядки. Псковщина граничила с землями Ливонского ордена. Псы-рыцари то и дело нападали на русские владения, жгли, грабили, уводили в плен.

В последний раз немцы появились под стенами Пскова в 1501 году — при отце Василия, Иване III. Ливонский магистр Вальтер фон Плеттенберг привел пятнадцатитысячное войско. Псковитяне сами сожгли посады, расположенные за городскими стенами, и храбро отбивались от неприятеля, пока не подоспели на выручку московские воеводы Данила Щеня и Василий Шуйский.

Война окончилась бегством немцев в Ливонию. Но они могли снова нагрянуть. И если им удастся захватить Псков — это будет страшная угроза Московскому государству.

В 1509 году великий князь послал в Псков нового наместника — князя Ивана Михайловича из рода Репниных-Оболенских, человека сурового и немилостивого. У псковских посадников, бояр и богатых гостей¹ начались нелады с новым наместником, в Москву полетели жалобы.

Василий Иванович приехал в Новгород в самом начале 1510 года и приказал недовольным псковитянам явиться к нему — получить ответ на жалобы.

В праздник Крещения, 6 января, собрались посадники, бояре и богатые гости в митрополичьей палате, а сотни младших людей стояли на морозе с непокрытой головой. Непокорный Псков ждал решения своей участи.

Московские бояре вошли в палату величавой поступью.

Прозвучали страшные для псковитян слова:

«Пойманы есте богом и великим государем...»²

Псковитяне опустили на колени и выслушали приговор
Москвы:

¹ Гости — богатые купцы, пользовавшиеся особыми правами.

² Эти слова провозглашались в тех городах, которые провинились против Москвы и попадали под власть московского великого князя.

Александр Мелентьевич Волков

«Вечу не быть; вечевой колокол снять и отвезти в Москву, к его старшему брату — вечевому колоколу Великого Новгорода; во Пскове будут сидеть два государевых наместника и решать все дела... И коли вы не покоритесь, много прольется псковской крови...»

В числе младших людей, посланных в Новгород от псковского простого народа, стоял на митрополичьем дворе и дед Андрюши — Семен, Афимьин отец. Старик часто рассказывал внуку о былых днях.

Псковитяне покорились: Пскову ли выстоять против могучей Москвы!

Этим не кончилось. Опасаясь, что против Москвы начнутся козни, Василий Иванович приказал: триста знатных семей расселить по другим землям; на их месте посадить московских дворян и раздать им поместья изгнанных. И из Среднего Города, раскинувшегося между реками Великой и Псковой и окруженного каменной стеной, были выселены тысячи псковитян.

Москвичи переехали на житье в Псков. А в Москве, близ Сретенки¹, возник целый поселок под прозванием «Псковичи». Князь Василий III «подавал им дворы по Устретенской улице, всю улицу дал за Устретеньем», — говорит летопись.

Родители Ильи Большого и Афимьи тоже лишились своих домиков в Среднем Городе; они, как и многие, не захотели уходить от родных мест и поселились в сельце Выбутино на берегу реки Великой, у последнего ее порога. Но земля здесь принадлежала древнему Спасо-Мирожскому монастырю, и вольные горожане попали в монастырскую кабалу.

Псковитяне жалели о потере самостоятельности родного города, но понимали, что без присоединения к Москве Псков мог попасть под пяту ливонских рыцарей и это было бы рабством. Лучше уж жизнь, хоть и трудная, под владычеством Москвы. Таких убеждений держались и старик Семен, и зять его Илья Большой...

Раздались новые удары в дверь. Вошел староста Егор Дубов, грузный, медлительный, с неподвижным, точно высеченным из камня лицом.

Из вежливости помолчали. Егор спросил:

¹ Сретенка — улица в Москве.

— Об чем речь, православные?

Узнав, что из монастыря приедут за добавочным оброком, он молвил:

— А ведь боярским людям вроде полегчае...

— Славны бубны за горами! — насмешливо отозвался Илья.

— Нет, не говори! — оживился Егор. — Коли перечесть, что я в монастырь перетаскал с Петрова дня...¹ и, боже мой! Туш говяжьих две, — староста загнул палец, — уток два десятка, — он загнул второй палец, — курей три дюжины, кабанчиков два, яиц поболее четырех сотен, меду шесть пудов...

— У меня бычка годовалого отняли! — пожаловался Тишка Верховой.

— ...масла овсяного девять кадок, — продолжал Егор, загибая пальцы уже на другой руке, — чесноку вязок без счету...

— Вот жрут, дармоеды проклятые! — озлобился Ляпун.

— Это с нашего села, а сколько у них окромя деревень! Диво, братцы, — покачал седой головой Егор Дубов, — полсотни монахов, а какую власть над людьми забрали!

— Им так за святую жизнь положено, — усмехнулся Илья. Мужики дружно захохотали.

Андрюша смотрел вниз серьезными, не улыбочивыми глазами. Мальчик удивлялся, что мужики ругают монахов. Он видел иноков в церкви; они казались тихими и благостными, как праведники на иконах.

«Не бояться, что бог накажет...» — со страхом подумал Андрюша про вольнодумцев-взрослых.

— Нет, как ни говори, — проворчал Ляпун, относя руку от уха, — а в старое время, в вольном Пскове, не в пример лучше жилось...

— Ты бы вспомнил сотворение мира! — непочтительно фыркнул Тишка и осекся под строгими взорами старших.

— А еще бы не лучше! — согласился с Ляпуном Егор Дубов. — Одно то взять, как нас монастырь год от году утесняет, свои старые грамоты рушит. Бобровые ловы от нас оттягли — раз! Рыбные тоже — два!

Он снова пустил в ход корявые толстые пальцы. Трудная должность выборного старосты приучила Егора вести все-

¹ Петров день — 29 июня (ст. ст.).

Александр Мелентьевич Волков

му счет; и хоть мужик не знал грамоты, но цепкая память и зарубки на деревянных бирках помогали ему без ошибок собирать оброки и рассчитывать с тиуном.

Выбутинцы любили угрюмого, неповоротливого Егора за честность, за то, что, не ослабевая духом, нес он мирскую тяготу и при всякой провинности односельчан первый скидал портки и ложился под розги.

Снова повздыхали, уставившись на стену. Там увидели привычное: юркие тараканы спускались с потолка, как всегда, когда прогревалась изба. К утру, лишь начнут промерзать стены, они пустятся обратно. Знакомая картина навела Илью на размышление:

— Вот, невелика тварь, а тоже ищет, где лучше!

— Уйду из Выбутина! Вот те крест уйду! — неожиданно воскликнул Тишка Верховой, возбужденно крутя бородку. Случайное замечание Ильи совпало с его затаенной мечтой. — Надел продам и подамся счастье искать!

— А покупателя найдешь?

— Найду!

— Вряд ли, — усомнился староста. — Ведь надобно за тебя внести и порядное и похоромное¹, сочти-ка... А впрочем, вас с бабой двое, може, и уйдешь!

— А земля? — спросил Ляпун.

— Что земля?

— Батька твой распахивал деревню², ты забыл? Пни корчевал, аж кожа на спине лопалась, да вдвоем с маткой с поля волок! Забыл?

— Вот только что пашня... оно, конечно... — забормотал Тишка и смолк.

— То-то и оно! — победоносно махнул рукой Ляпун. — А они то знают и из нашего брата последнее выжимают...

Избу внезапно охватил мрак. Афимья, заслушавшись мужичьих речей, недоглядела за лучиной. Пришлось доставать угли из печи, вздуть огонь. Илья мягко пожурил жену:

— А ты, баба, позорчее досматривай!

¹ Порядное — налог, взимавшийся с покупателя в зависимости от земли и угодий; похоромное — налог с продавца.

² Деревней в старину называли и пашню («деревня» происходит от слова «дерево»; чтобы поставить деревню, надо было вырубить деревья).

Афимья поклонилась в пояс:

— Прощенья прошу, гостеньки дорогие!

— Что я еще скажу! — вспомнил Илья. — Говорят монахи, придет к ним с весны артель каменную церковь ставить.

Лица мужиков омрачились.

— Не было печали... — прошептал Егор Дубов. — Старых мало?

— Изветшали, вишь, того гляди обвалятся...

— Эх, — безнадежно махнул рукой староста, — теперь пойдет! То ли будем, то ли не будем сеять этот год. Уж я знаю, подводами замучают: кирпич вози, лес вози...

— Вот оно, мужицкое житье: как вставай, так за вытье! — произнес Ляпун и, кряхтя, поднялся с лавки. — Прощевайте, дорогие соседушки!

Он шагнул к двери, за ним Егор с Тишкой.

— Милости просим нас не забывать! — кланялись хозяева.

С этого вечера выздоровление Андрюши пошло быстро. Понемногу он начал ходить по избе, с трудом держа на плечах большую, не по возрасту, голову с высоким выпуклым лбом.

Ребята смеялись над Андрюшей: не голова — котел!

— Голова, вишь, к богатырю метила, а к тебе попала!

— А может, я богатырь и есть? — спрашивал Афимью тонким голоском маленький Андрюша.

Мать горько усмехалась:

— Богатыри, сынок, ведутся не от нашего порождения, а от княжьего да боярского...

Вот за эту-то несоразмерную свою голову Андрюша еще в раннем детстве получил прозвище Голован.

Большую Андрюшину голову покрывали густые темные вихры. С непокорными волосами сына Афимья не могла справиться. Немало масла извела — и всё без пользы. Проходящая странница посоветовала:

— А ты двенадцать вечеров подряд медвежий жир втирай: мягчит, родимая!

Но и медвежий жир, не переводившийся в доме охотника, не помог.